

ДИЛЕММЫ СТРОЯ
Идем ли мы в направлении порядка эколого-социальной
рыночной экономики?

(XIX Konferencja Naukowa Wspólnej Komisji Ekonomistów PAN i PAN
Państwo i gospodarka w Polsce i w Rosji: lekcje XX i
perspektywy XXI wieku
Warszawa, 23-24 czerwca 2009 r.)

Введение

Экономический строй определяет принципы и рамки хозяйственной деятельности, обязывающей всех актеров хозяйственной жизни. Отсюда и политика системы, и являющаяся ее результатом форма экономики представляют фундаментальный фактор социально-экономического развития страны, фактор роста и успеха ее граждан¹. Хозяйственная история доставляет, к сожалению, достаточно много доказательств (причем из разных географических регионов и эпох), насколько дорогостоящими могут быть и являются ошибки в формировании экономического строя². Эти ошибки и их последствия мир испытывает и в настоящее время³.

Отсюда актуальность вопроса, сформулированного Ильей Пригожиным, лауреатом Нобелевской премии по химии 1977 г.: „Если Природа, если материя владеет способностью стихийно создавать порядок, то подчинены ли и мы, люди, тем же законам, которые управляют этим процессом?⁴”. В этом нетрудно усомниться, если в наше время явно углубляется экономический беспорядок, причем в глобальном измерении.

Споры и дилеммы, касающиеся экономического строя, обычно приобретали особое значение в периоды исторических переломов, в том числе цивилизационных и технологических, а также в периоды кризисов. Теперь тоже выявляются сильные противоречия на эту тему. Это вытекает не только из охватывающего мир кризиса. Ведь его можно было бы признать типичным, как бы генетическим проявлением конъюнктурного цикла, то есть неотъемлемого от рыночной экономики явления „взлетов и падений” и ее синусоидального развития. Такая оценка была бы обоснованной, если бы не факт, что

---

¹ Автор писала об этом, в частности, в статье: *Экономический порядок. Похвала „ордо”* (в:) В. Ярмолович, М. Ратайчак (ред.), *Либерализм в современной экономике*, Изд. Экономической Академии в Познани, Познань 2008, с. 151–168.

² “Lucky the city with a decent government. Not all happy cities resemble one another, but each unhappy city is at least partly unhappy for a single reason: misgovernment. The quality of government, local and national, is the most important factor, apart from the economy, in the success (of a city)” – см.: *Failures at the top*, The Economist, May 3rd 2007.

³ Г. Штайнгарт „Провал последней утопии” Еженедельник Форум, № 41, 2008, П. Бофингер, „Нас ждет эпохальная перемена”, Еженедельник Форум, № 41, 2008

⁴ А. Верон, *Илья Пригожин (25.01.1917–28.05.2003)*,
http://pryzmat.pwr.wroc.pl/Pryzmat_167/Pryzmat167.pdf.

настоящий кризис имеет место в условиях совершающегося на наших глазах технологического и цивилизационного перелома, смены парадигмы (образца) развития. Это выражается в вытеснении промышленной цивилизации пока еще недоопределенной постиндустриальной цивилизацией. Наступает переход к новой модели экономики, основанной на знаниях, с высокой степенью сетеобразования (с „сетевой властью” и „сетеобразованием демократии”), виртуализованной „викиномики”, имеющей в значительной мере характер „экономики нестабильности”, финансиации, то есть отрыва финансовых потоков от реальных процессов, что уже само по себе может являться зародышем кризиса⁵.

Экономическая же история доказывает, что изменение цивилизационного образца каждый раз переносилось на смену модели хозяйственного строя. И так, сельскохозяйственная цивилизация принесла феодализм, а промышленная - капитализм с последующими разными его видоизменениями. А смена экономического строя означала одновременно изменение социальной стратификации и, что характерно, сопровождалась изменением типа передачи, общественной коммуникации. Феодалов заменили капиталисты, а феодальных крестьян - пролетариат. Преобразование феодализма в капитализм сопровождалось переходом от эпохи ручного писания слова к эпохе слова печатного. Постиндустриальная же цивилизация - это эра цифрового языка и выделения нового, наивысшего общественного слоя т.наз. „цифровой нетократии”. Итак, рождается вопрос, принесет ли эта цивилизация новый строй и каким он будет?

Как доказывает Александр Бард, шведский преподаватель, писатель и пионер Интернета *„Мы живем в двух эпохах одновременно, хотя мало кто это осознает. Одна, уходящая - это капитализм. Вторая, связанная с информационной революцией - эпоха Интернета. В предыдущей на вершине общественной пирамиды были фабриканты и банкиры, а в самом низу - пролетариат. В эпохе, которая надвигается, на вершинах власти находится малочисленная, но сказочно богатая сетевая нетократия. Подножие же общественной пирамиды занимает консумтариат”*. Это наинизший социальный слой выключенных, обремененных цифровой безграмотностью и лишенных из-за этого возможностей пользоваться благами новой цивилизации.

Наложение нынешнего, глобального экономического кризиса на процессы смены цивилизационной парадигмы придает кризисным явлениям особое измерение. Глубина и обширность этих явлений в относительно малой степени напоминают предыдущие, „нормальные” кризисы, понимаемые как прямое последствие неотъемлемого от рыночной экономики конъюнктурного цикла.

В связи с этим обоснованным является вопрос о форме будущей модели экономического строя.

Бесконкурентный (?) капитализм

В опубликованной более 10 лет тому назад (в 1996 г.) книге Лестера К. Туроу „Будущее капитализма”, ее автор, американский профессор экономики, подчеркивает, что „с самого начала промышленной революции, когда успех начали определять как растущий материальный уровень жизни, нигде не удавалось довести до четкого функционирования какой-либо другой

---

⁵ Тапскотт Д., Уильямс А., Викиномия. О глобальном сотрудничестве, которое меняет все, Академические и профессиональные издательства, Варшава, 2008.

экономической системы, кроме капитализма⁶. С ним проиграли все другие системы, в том числе социализм, коммунизм и фашизм, а также утопические модели экономического строя. В этом смысле капитализм воспринимался как бесконкурентный.

В то же время Л. К. Туроу - метафорически пользуясь геологической теорией тектоники плит и биологической теорией нарушенного равновесия - констатирует, что „кажется, что-то сотрясает основы капитализма”. Подобное мнение высказывает Иммануил Валлерстайн, американский профессор социологии. В своей новейшей книге „Утопистика или исторические альтернативы для XXI века” утверждает, что мы живем сейчас в завершающей фазе капитализма, который приближается к упадку, а то, как будет выглядеть очередной цикл развития человечества, зависит от событий в его нынешней фазе⁷. Автор приходит к выводу, что капитализм является „стариком”. Как социолог, историк, экономист и автор теории мир-систем он поддерживает тезисы, представленные в опубликованной почти 10 лет тому назад книге *Конец знакомого мира*. Там он тоже доказывал, что современная мировая система „(...) входит в конечный кризис и невероятно, что будет существовать через 50 лет”, так как находится в фазе „смертельного кризиса⁸”. Валлерстайн обращает, в частности, внимание на ограничение конкуренции и принципов свободного рынка, а также на экологический кризис (глава *Экология и издержки производства при капитализме. Безвыходное положение*) и разрешение на экстернализацию предприятиями издержек, то есть их переброс на мировое сообщество. Он указывает также на моральный регресс и социальные диспропорции („улучшению доли небольшой элиты сопутствовало ухудшение судьбы остального человечества”). Указывая на шанс позитивных изменений, какую создает кризис нынешней системы, Валленстайн констатирует, что „человеческая бессовестность является наибольшим ограничением, какое навязывает себе само человечество⁹”. Сходные выводы и предостережения формулирует Альвин Тоффлер в своих футуристических произведениях *Метаморфозы власти* (1990) и *Шок будущего* (1970)¹⁰.

Сейчас уже никого не надо убеждать, что мир находится в периоде *нарушенного равновесия*, о чем свидетельствуют хотя бы все более контрастирующие полюса богатства и нищеты, не говоря уже о нарушении экологического равновесия. Нарушение равновесия мы ощущаем в повседневной жизни, в частности, сталкиваясь с зараженной водой или воздухом. Нарушение социального равновесия влечет за собой, в частности, социальные отклонения, преступность, терроризм и другие опасные явления. Все это становится причиной значительного снижения комфорта жизни. Парадоксально это касается также большинства самых богатых стран, помимо

---

⁶ Туроу Л.К. Будущее капитализма: Как нынешние экономические силы формируют завтрашний мир, Изд. Дольношленске, Вроцлав, 1999, с.9.

⁷ Валлерстайн И., Утопистика. Исторические альтернативы для XXI века”, Офисина Изд. Братства Тройка, серия "Теории сопротивления", 2008

⁸ И. Валлерстайн, Конец знакомого мира, Scholar, Варшава 2004, с. 27 и 151.

⁹ Там же, с. 306.

¹⁰ А. Тоффлер, Шок будущего, изд. I, PIW, Варшава 1974, изд. II, Zysk i S-ka, Познань 1998; и Смена власти... см. также: П. Штомпка, Травма великой перемены. Социальные затраты трансформации, ПАН, Варшава 2000.

¹¹ У. Бек, Общество риска. На пути к иной современности, Научное изд. Scholar, Варшава, 2002, с. 51 и следующие.

роста там уровня национального валового продукта (НВП), отражающего рост богатства страны. Богатство не только не оберегает от негативных последствий нарушения равновесия, особенно экологического, но вдобавок деградация природной среды ведет к *экологической девальвации и отчуждению*¹¹. Безрефлексная погоня за богатством и необузданный консумпционизм являются тем самым одним из первичных факторов углубления неравновесия.

„Мы, как большая рыба, вытянутая из воды, бешено бросается и подпрыгивает, пытаясь в нее возвратиться. В таком состоянии рыба никогда не спрашивает, куда она попадет после следующего удара хвостом. Она лишь чувствует, что сейчас ее ситуация невыносима и что надо попробовать сделать что-то по другому”. Эта цитата - китайская поговорка, к которой нередко обращаются, в частности, исследователи трансформации строя. Ее приводит также Лестер К. Туроу, раздумывая над будущим капитализма¹².

Так что неслучайно экономисты указывают на иллюзорность меры НВП при оценке качества жизни. Отсюда поиски новых мер развития, благосостояния и качества жизни, а одной из новейших является Gross National Happiness Index (GNH), то есть *валовое национальное счастье*. В этом показателе учитываются не только экономический рост, но и вопросы социальной справедливости, охраны культурных ценностей, качества правления и управления экономикой и публичными делами и, наконец, вопросы заботы о природной среде. Гжегож В. Колодко советует развивать это исследовательское направление, предлагая „Интегральный Показатель Благополучия”¹³. Такие инспирации ориентируются на поиск системы равновесия и смягчение последствий его нарушения.

По Лестеру К. Туроу, нарушение равновесия вызывается одновременными „тектоническими” движениями пяти „экономических плит”, подкожных сил перемен. Это силы:

- упадок коммунизма, что, в частности, (в соответствии с концепцией маятника) создало почву для бескритичной веры в доктрину неолиберализма,
- экономика, базирующаяся на интеллектуальном капитале, на знаниях,
- демография, в том числе резкий прирост населения в самых бедных странах, рост мобильности и старение обществ,
- прогрессирующая глобализация и связанная с нею все большая сложность и непрозрачность экономических связей,
- мир без доминирующей державы, что проявляется в постепенной утрате великодержавной гегемонии США.

Как отмечает Туроу, социально-экономические системы, формации, подобно биологическим, „вступают в период нарушенного равновесия с медленно эволюционирующими, но прочно устоявшимися структурами. Выходят же из этих периодов с радикально измененными структурами, которые снова начинают эволюционировать”¹⁴. Нарушение равновесия ведет к тому, что так же, как в биологических системах, среда внезапно меняется и „вид”, который доминировал, вдруг заменяется другим.

---

¹² Л.К. Туроу, цит. с. 7.

¹³ Г.В. Колодко, Мир в движении, Изд. Prószyński i S-ka SA., Варшава, 2008, с. 272.

¹⁴ Л.К. Туроу, цит. с.17

Подтверждает это история, а, прежде всего, промышленная революция, которая за неполное столетие заменила насчитывавшую тысячи лет экономическую эру сельского хозяйства. Феодализм, удерживавшийся сотни лет, быстро заменился капитализмом. А теперь, после без малого 300 лет господства промышленной цивилизации, принесет ли выталкивающая ее постиндустриальная цивилизация новую формацию? Этого, по-моему, нельзя исключить, тем более, что характерные для переломов строя перемены уже отчасти совершились или находятся в продвинутой стадии. Я имею здесь в виду, во-первых, переход к новой цивилизационной парадигме, то есть экономике, основанной на знаниях, во-вторых, переход к новой форме коммуникации - цифровой и, в-третьих, выделение новых социальных слоев, в том числе цифровой аристократии.

Однако то, что может наступить, зависит от необыкновенно густого переплетения очень сложных факторов и правд, с трудом поддающихся прогнозированию и априорным оценкам. Поэтому однозначно ответить на вопрос, какова будущая модель экономического строя, пока скорее невозможно. Существенной причиной трудностей в формулировании однозначного ответа на такой вопрос и на вопрос о кризисе капитализма является факт, что *капитализм носит не одно имя*. Наверно, иные перспективы имеет скандинавская модель капитализма, базирующаяся на стремлении к экономическому и социальному равновесию и недопущении углубления доходного дифференцирования общества, и иные – опирающаяся на острое соперничество англосакская модель неолиберального капитализма.

Сейчас, прежде всего, в контексте глобального экономического кризиса, все больше сторонников приобретает мнение, что этот кризис - не типичный конъюнктурный, а фундаментальный, кризис строя, кризис доминирующего течения - неолиберализма, которое, впрочем, и раньше критиковали некоторые знатоки этой проблематики.

Анализы и предостережения

В дискуссиях на тему решений, позволяющих смягчать социально-экономические напряженности и неравновесие, указывается на необходимость переоценок в формировании принципов экономического строя и на обманчивость **неолиберальной доктрины** как теоретической основы разных концепций экономической политики в капиталистических рыночных экономиках¹⁵. Как в странах Западной Европы, так и в США все более популярным становится тезис о прогрессирующей общей „эрозии **неолиберальной доктрины**”¹⁶.

Гарвардский экономист Дани Родрик констатировал, что между *неолиберализмом и экономией реляция такая же, как между астрологией и астрономией*. Ведь ни астрология, ни неолиберализм являются не науками, а идеологиями¹⁷. Более наглядно можно сказать, что *неолиберализм так*

¹⁵ Э. Мончиньска, Слабеющий темп роста в мировой экономике – Симпозиум Совета по социально-экономической стратегии, Экономиста 2003, № 5, с. 655.

¹⁶ З. Садовски, *О социально-экономическом строе* (в:) Я. Муйжель, Б. Федор, Ц. Овсяк, Э. Мончиньска, *Польский социально-экономический строй какой капитализм?*, Отчет № 22 Совета по социально-экономической стратегии, Варшава 2003.

¹⁷ З. Садовски, *Открытие для современной теории экономики* (в:) *Переломный 1956 год и современность*, РТЕ, Варшава 2007, с. 28–29.

соотносится с либерализмом, как фундаментализм с фундаментами. Адам Смит, классик необыкновенно ведь благородной концепции либерализма, соединял в этой концепции идею свободного рынка с нравственностью, ответственностью и этикой. В свободнорыночной неолиберальной концепции такого симбиоза не было, что создало "урожайную" почву для кризиса.

Многие авторы доказывают, что источники погрешностей кроются, прежде всего, в ошибках системы, в этом в бескритичном - по их мнению - поддании экономической политики неолиберальной доктрине.

Характерно, что такие мнения формулируют также недавние ее приверженцы. К их кругу можно отнести Джеффри Закса, который, как экономический советник "Солидарности" в 1989 г. участвовал в подготовке вступительного проекта программы трансформации польской экономики - т. наз. плана Бальцеровича и был советником первого посткоммунистического правительства и его заместителя премьер-министра Лешек Бальцеровича при проведении радикальных экономических реформ. Так что он сыграл существенную роль в процессе рыночной трансформации в Польше и в других странах. Сейчас Дж. Закс явно пересматривает свои ранние неолиберальные взгляды, указывая, что: „если мы не преодолеем миф саморегулирующегося рынка, будем иметь дело со все более серьезными кризисами./ ... / Раньше я не отдавал себе отчет, насколько была отравлена идея социальной взаимозависимости и представления государством общих интересов. Даже те, кто убежден, что общие интересы существуют, в большинстве позволили внушить себе, что нужно полагаться не на бездарные или коррумпированные правительства, а на общественные движения, неправительственные организации или на спонтанные гражданские сети. Мы очутились между двумя волонтаристическими утопиями. Одна канонизирует рынок, а вторая общество. Большинство людей позволили внушить себе, что никакое государство им не поможет, а если даже обещает помочь, то и так все растратит. Пройдет много времени, прежде чем люди снова придут к убеждению, что без сильного государства не может быть ни хорошего общества, ни четкой экономики. / ... / Когда спекуляция губит экономику, должна появиться политическая сила, ограничивающая свободу спекулянтов. Впервые в истории Америки ничего такого не произошло. Почему? Американская политика коррумпирована более, чем когда-либо. Никогда от самых богатых людей и наибольших фирм не перетекали в политику такие огромные деньги. Никогда стоящая миллионы реклама не имела такого большого влияния на выборы”¹⁸.

Весьма неожиданны констатации Дж. Закса, касающиеся Польши: „Я был воспитан в семье с сильными демократическими традициями и всегда верил, что лучшей является модель смешанной экономики, с большой ролью государства. Когда я был советником в Боливии, Польше, России, рекомендовал как можно более быстрое проведение реформ, но никогда не выступал за то, чтобы их эффектом была полностью рыночная экономика. Левые критиковали меня за промотирование рынка, а правые за то, что поддерживал, напр., сохранение публичного здравоохранения. Лешек Бальцерович всегда был намного более свободнорыночный, чем я”¹⁹.

Также Дж. К. Гэлбрейт в книге *Экономика невинного обмана. Правда наших времен* указывает на кроющиеся в неолиберальной системе источники аномалий. Он отмечает разрыв между действительностью и „конвенциональными знаниями” и грозное для экономики,

¹⁸ Наука выживания. Проф. Джеффри Закс, экономист, О несправедливых обществах, Интервью Я. Жаковского, Политика, 10.01.2009

¹⁹ Там же

предпринимательства и эффективного управления беспрецедентное влияние частного сектора на публичный. Предостерегает также перед силой транснациональных корпораций и последствиями забвения менеджерами власти у акционеров и членов наблюдательных советов²⁰.

К кругу критиков неоллиберализма присоединяются и другие нобелевские лауреаты, указывая на вредность доктринерства в формировании модели экономического строя и экономической политики. Пол Самуэльсон критически относится к неоллиберальной доктрине, подчеркивая, что он сам является сторонником золотой середины („Ich bin ein Mann der Mitte“). Признавая механизм „невидимой руки“, он утверждает, что в случае глобализации это должна быть рука на тормозе („Globalisierung ja, aber mit einer Hand an der Handbremse“)²¹. Также Леон Гурвич, относясь к теории А. Смита, доказывает, что „невидимая рука“ требует „интеллигентного управления“²².

Критические дебаты идут и в Польше. Перед доктринерством предостерегает Здислав Садовски, подчеркивая, что нельзя поддаваться никакой доктрине ни „(...) марксистско-ленинской, ни теперь неоллиберальной. Разумеется, подавление свободной мысли неоллиберальной доктриной проходит совершенно иначе, поскольку заключается не в навязывании государством и полицией обязанности приспособляться к ней, а в чем-то не менее важном в общественных отношениях, а именно в оказании сильного прессинга со стороны той части среды, которая приняла эту доктрину как свою, и широкой поддержке ее средствами массовой информации. В период трансформации этот общественный прессинг стал у нас очень сильным²³. Собственно не было возможности высказываться против обязывающей неоллиберальной доктрины. В свою очередь, Гжегож В. Колодко говорит прямо о „упадающем неоллиберализме и его неприглядном наследии (то есть, почему вредная концепция на какое-то время завоевала полмира и как это преодолеть)“. Не жалея острой критики, спрашивает: „как это происходит, то есть как идут экономические процессы, какое отношение имеют к этому наука, политика и случай, и кто нам так навредил“²⁴. Отрицательных оценок не жалеет и Т. Ковалик, предостерегая перед бескритичным подходом к неоллиберальным идеям и „скансенизации либерализма“²⁵.

В рамках дискуссии о системах формулируются также мнения, направленные на защиту неоллиберализма. Очень убедительно формулирует их, в частности, Роберт Гвяздовски, который в ответ на вопрос о кризисе капитализма и неоллиберализма, отвечает кратко: „вздор“. Он считает, что нынешняя кризисная ситуация - *результат действий чиновников в США*, а не кризиса неоллиберализма, который вследствие чиновничьих вмешательств никогда не появился в полной форме²⁶.

²⁰ Дж. К. Гэлбрейт, *Экономика невинного обмана. Правда наших времен*, MT Biznes, Варшава, 2005.

²¹ Ch. Rottwilm, Paul A. Samuelson, *Der Generalist mit dem Wasserhund*, Der Spiegel от 29 июля 2008 г., приложение к Manager Magazin.

²² *Intelligent design, A theory of an intelligently guided invisible hand wins the Nobel prize*, The Economist за 18 октября 2007 г.

²³ З. Садовски, *Открытие для современной теории экономики (в:) Переломный 1956 год и современность*, PTE, Варшава 2007, с. 28–29.

²⁴ Г.В. Колодко, *Мир в движении*, Prószyński i S-ka, Варшава 2008, глава II и VI.

²⁵ Т. Ковалик, *Социальная рыночная экономика – декорация или программа действий?*, доклад на конференции RN ZK PTE, 7 марта 2002 г.

²⁶ Конец капитализма? Вздор?, беседа с Р. Гвяздовским, Газета Банкова, 2009, № 5 (1057), с.23

²⁷ См. Ч. Хемпден-Тернер, Ф. Тромпенар, *Семь культур капитализма*, Дом Выдавничи ABC, Варшава, с. 122.

Однако нынешняя мировая экономическая действительность подтверждает обоснованность критики неолиберализма. Присущий этой идеологии тренд к полной дерегуляции экономики, что особенно ярко видно в финансовом секторе США, представлял - как показывает практика - один из основных кризисогенных факторов. Поэтому я разделяю мнение об эрозии неолиберализма. Происходящая сейчас в США, а также в странах Западной Европы широкая государственная интервенция в экономику, с симптомами прямо-таки национализации в некоторых областях, является spectacularным этому доказательством. Анализы подтверждают, что, правда, по-прежнему неоспоримым остается принцип свободного рынка и конкурентного порядка, но в то же время, в условиях такого большого, как сейчас, риска информационной асимметрии, чрезмерная рыночная конфронтационность субъектов может вести к нежелательным явлениям и угрозам, тем более, что „граница между соперничеством и деструкцией почти незаметна”²⁷, а „невидимую руку рынка” губит „невидимая рука глобализации”, вследствие чего невидимая рука становится «мертвой рукой рынка»²⁸.

Усиливающиеся критические в отношении неолиберализма мнения тем более существенны, что последние несколько десятков лет XX века - это период доминанции в рыночной системе именно этой доктрины, доктрины неолиберальной как идеологической основы капитализма²⁹. И в Польше вместе с трансформацией системы она была принята почти бескритично, и таким образом мы перешли от „одной, единственно правильной доктрины социализма” к „другой, единственно правильной доктрине неолиберализма”. Такая односторонность и доктринализация никогда не идут на пользу, в чем убедил опыт периода социализма. Теперь же мир мучительно переживает последствия неолиберальной доктринализации.

Итак, даже если согласиться с тезисом о кризисе неолиберализма, то продолжает оставаться вопрос – устарела ли модель капитализма вообще или же она может быть удержана при жизни с помощью „лифтинга”, системной реконструкции, или же эта формация должна уступить место другой (какой?). Я трактую эти вопросы как открытые. Однако к ответу могут нас приблизить более глубокие рефлексии и анализы на эту тему, результаты которых презентуются в литературе по предмету.

Вопросы о желательной модели экономического строя

В условиях наложения глобального кризиса (2009) и цивилизационного перелома, отчетливых симптомов беспорядка в мировой экономической системе и одновременно симптомов эрозии неолиберализма вопрос об оптимальной форме экономического строя приобретает особое значение не только в странах, осуществляющих трансформацию системы, но и в странах с долгими традициями рыночной экономики. Ведь как показывает история экономики, да и нынешняя действительность, некоторые типы систем способствуют развитию и богатству, а другие ведут к экономической деградации и экономическому беспорядку. Выступающие в политике системы

---

²⁸ Я. Станишкис, *Власть глобализации*, Scholar, Варшава 2003, с. 17.

²⁹ Дж. Бакан, *Корпорация: патологическая погоня за прибылью и властью*, Издательство Лепши Свят, Варшава, 2006, с. 14.

погрешности преимущественно вызывают грозные негативные последствия, типичные для „ошибок в верхах”, являясь, впрочем, их основным источником. Такого типа ошибки характеризуются, прежде всего, огромным масштабом диффузии, так как они проникают во все области и уровни экономики (в соответствии с поговоркой „рыба портится с головы”). В политике системы можно также, идя исследовательскими следами Джейреда Даймонда, усматривать, по крайней мере отчасти, ответ на поставленный этим ученым-географом вопрос: „почему некоторые общества выживают, а другие умирают?”³⁰. Правда, этот автор ищет ответ на так сформулированный вопрос путем анализа отношения обществ и целых цивилизаций к природной среде и приходит к выводу, что неразумное пользование ресурсами это – наряду с милитарными или экономическими – одна из главных причин упадка многих хорошо развитых обществ. Но ведь подход к природной среде является производной политики формирования экономического строя. В то же время модель экономического строя является одним из фундаментальных факторов, формирующих качество правления и управления на всех его уровнях: начиная с национального и даже сверхнационального вплоть до местного³¹.

Дилеммы системы касаются и мира, и Европейского Союза как целого, в том числе и Польши. Польша является иллюстрацией того, как сложно выработать удовлетворительные решения по формированию экономического строя. Ведь несмотря на то, что трансформация экономики была начата в Польше 20 лет тому назад (в 1989 г.), системные проблемы до сих пор не решены достаточно удовлетворительно. Это находит подтверждение в констатациях многих экономистов, в том числе В. Вильчиньского, который указал на упущения и погрешности системы в Польше, а также на отрицательные этого последствия. В. Вильчиньски подчеркивает, что в Польше „не погасли споры о форме экономического строя, к которому стремится политика трансформации. Правда, он формально признает, что это должна быть рыночная экономика, но в понимании ее сути разницы остаются огромными. Это негативно влияет на системную политику, а скорее на ее отсутствие”³².

Отсутствие такой политики отчетливо, несмотря на запись в Конституции Республики Польша (ст. 20): „Социальная рыночная экономика, основанная на свободе экономической деятельности, частной собственности и солидарности, диалоге и сотрудничестве общественных партнеров, представляет основу экономического строя Республики Польша”.³³ Конституционная запись не довела, к сожалению, до упорядочения проблемы экономического строя, а вдобавок понятие „социальная рыночная экономика”, помимо его наивысшего законодательного ранга, все еще в Польше (и можно с уверенностью сказать, не только) скорее мало распознано. Более того, нередко ей приписываются содержание и значение, совершенно противоречащие ордолиберальной концепции, являющейся теоретической основой идеи социальной рыночной экономики. Слишком часто этот термин понимается превратно по образцу и подобию социалистической, редиистрибуционной

³⁰ Дж. Даймонд, *Коллапс. Почему одни общества выживают, а другие умирают*, Prószyński i S-ka, Варшава 2007 (оригинальная версия: *Collapse: How Societies Choose to Fail or Succeed*, Viking Books, New York 2005).

³¹ См. Э. Мончиньска, *Экономический порядок. Барьеры и дилеммы*, в: Э. Мончиньска, З. Садовски, *О формировании экономического порядка*, РТЕ, Варшава, 2008, с. 151–168.

³² В. Вильчиньски, *Польский перелом системы 1989–2005. Экономика эпохи трансформации*, Издательство Высшей банковской школы, Познань 2005, с. 11.

³³ Конституция Республики Польша от 2 апреля 1997 г., Ж. Зак. № 78, поз. 483.

социальной политики и ошибочно дефинируется как синоним государственного интервенционизма.³⁴

Это указывает на необходимость углубленных рефлексий, касающихся существа социальной рыночной экономики (СРЭ).

Идея социальной рыночной экономики базируется на ордолиберальной теории, которая, в свою очередь, ссылается на выводящуюся из времен античного Imperium Romanum идею „ордо“, сутью которой является **сформирование порядка, отвечающего природе человека и обеспечивающего хозяйству равновесие**.³⁵ Латинское понятие *ordo* в древнеримской философии понималось как состояние, характерное для цивилизованного общества, в котором свободные индивиды могут беспрепятственно совершать сделки в рамках общеобязывающих юридических правил.³⁶ В свою очередь, в средневековье *ordo* дефинировали как соединение разнородных элементов, вещей и структур в одно разумное целое.³⁷ *Ordo* интерпретировалось традиционно в европейской, а также и восточноазиатской общественной мысли, как **противопоставленность анархии и хаосу** и в принципе имеет нормативный характер, ориентированный на желательное состояние. Но действительность в большинстве случаев отличается от такого состояния. Проблемы системной дисфункциональности стары как мир, что находит отражение, в частности, в сентенциях Цицерона, древнего государственного мужа и философа, который еще в 55 г. до н.э. предостерегал перед явлениями, нарушающими хозяйственный лад, могущими в крайнем случае вести к банкротству государства. Чтобы это предотвратить, Цицерон рекомендовал следующий, пятипунктовый, близкий идеям СРЭ (как оказывается теперь) рецепт:³⁸

- ~ бюджет государства должен быть уравновешенным,
- ~ публичный долг должен быть уменьшен,
- ~ грубость власти должна быть устранена, а власть поддана контролю,
- ~ люди должны снова научиться работать вместо того, чтобы жить за публичный счет,
- ~ платежный дефицит должен быть сокращен.

Скорее не требует доказательства, что в наше время не только в Польше, но и в многих других странах эти указания, к сожалению, слишком часто не соблюдаются.

Нынешний глобальный финансовый кризис выступает в некоторой мере за концепцию СРЭ. Ведь характерно, что этот кризис касается самых мощных рынков капиталистического мира, прежде всего США и Великобритании. В меньшей степени пострадали страны с т. наз. нордической экономической системой, где идеи СРЭ реализуются на практике.

---

³⁴ Автор писала об этом, в частности, в: *Социальная рыночная экономика и англо-американская экономическая модель. Противоречия и недоразумения* (в:) В. Беньковски, М.-Я. Радло, *Американская модель экономического развития. Сущность, эффективность и возможность применения*, Главная коммерческая школа – Официна Выдавнича, Варшава 2006, с. 378.

³⁵ На целесообразность такого подхода указывает, в частности, П. Пыш, *Ордолиберальная концепция экономической политики Вальтера Ойкена*, *Экономиста* 2007, № 3 и в книге *Социальная рыночная экономика. Ордолиберальная концепция экономической политики*, PWN, Варшава 2008.

³⁶ М.Е. Streit, К. Wolfgang, *Das institutionelle Fundament von Freiheit und Wohlstand – Lektionen der „Freiburger Schule“* (в:) М.Е. Streit (ред.), *Freiburger Beiträge zur Ordnungsökonomik*, Tübingen 1995, с. 113, по: П. Пыш, *Социальная...*, с. 35.

³⁷ W. Eucken, *Die Grundlagen der Nationalökonomie*, 9. Auflage, Springer Verlag, Berlin–Heidelberg–New York–London–Paris–Tokyo–Hong Kong 1989, с. 239, по: П. Пыш, *Социальная...*, глава II.

³⁸ *Sprüche*, www.lasiuc.de/sprueche/spruchp_u.html, перевод автора с немецкого языка.

Хотя мнения относительно модели СРЭ противоречивы, анализ ее черт показывает, что она дает шансы на создание прочных основ целостности, прочности и уравновешенности социального и экономического развития.³⁹ Ведь идеи социальной рыночной экономики характеризуются холизмом, то есть комплексным, целостным учитыванием отдельных элементов необычайно сложной системы, какой является социально-экономический строй.⁴⁰ Хотя в опубликованной недавно книге под заглавием *Конец с нищетой. Задание для нашего поколения* ее автор, Дж. Закс предлагает новый метод решения социально-экономических проблем, который он определяет как „клиническую экономию“, то в ней отчетливо звучат ноты, известные из концепции социальной рыночной экономики. Клиническая экономия – это именно холистический подход к решению социально-экономических проблем, соединение экономических и социальных аспектов, подход, подражающий холистической медицине. Даже заглавие книги Дж. Закса *Конец с нищетой* можно признать братским с книгой Л. Эрхарда, соавтора концепции социальной рыночной экономики - *Благосостояние для всех*. Симптоматично при этом, что Дж. Закс, кажется, пересматривает свои ранние взгляды, указывая на ненадежность рынка в решении выступающих в мире проблем, в частности, ликвидации пространств нищеты. Ведь он оспаривает принцип, что „прилив поднимает все лодки“, признавая, что не всегда рост богатства в одних странах или регионах способствует смягчению проблем убожества в других. Также П. Кругман, лауреат Нобелевской премии по экономике, критикуя односторонность неолиберальной доктрины, подчеркивает необходимость холистического подхода в формировании экономического строя, косвенно высказывается за социальную рыночную экономику.⁴¹ Однако условием эффективного внедрения в практику ордолиберальной концепции социальной рыночной экономики является ее приспособление к современным, беспрецедентно динамическим технологическим, социальным и экономическим переменам, в том числе к глобализации.⁴²

Открытые вопросы

Характерное для современного мира прямо-таки драматически „нарушенное равновесие“ заставляет искать решения, ориентированные на симбиоз

³⁹ Более широкая презентация черт СРЭ выходит за рамки статьи. Характеристика этой модели содержится, в частности, в книге под ред. Э. Мончиньской и П. Пыша «Социальная рыночная экономика. Идеи и возможности практического использования в Польше, изд. РТЕ Варшава 2003, см. также: *Чем является и чем не является «социальная рыночная экономика»*. *Меандры толкования*. Беседа Э. Мончиньской и П. Пыша с д-ром Хорстом Фридрихом Вюнше – исполнительным директором Фонда им. Людвика Эрхарда, Новее Жиче Господарче 2007, № 5.

⁴⁰ Эти вопросы подробно обсуждаются в: Э. Мончиньска, П. Пыш (ред.), *Социальная рыночная экономика. Идеи и возможности практического использования в Польше*, РТЕ, Варшава 2003, а также Э. Мончиньска,

⁴¹ „Я видел будущее, это работает“. С восхищением говорит об энергосберегающих автомобилях, современных системах публичной коммуникации и метрополиях без бесконечных предместий, в которых жить без автомобиля невозможно. Недостаточно немного экономить бензин. „Мы будем вынуждены жить иначе, так же как европейцы. Может, не сегодня и не завтра, но вскоре и всю оставшуюся жизнь“, цит. по: Jörg Häntzschel, *Мы не являемся центром вселенной, Соединенные Штаты просыпаются из грёз о своем величии и всюду подстерегающих врагах и переживают шок*, *Süddeutsche Zeitung*, цит. по Тыгодник Форум за 21 июля 2008 г. № 30. См. также В. Вильчиньски, *Миссия польской экономики*, Новее Жиче Господарче 2008, № 11

⁴² Дж. Закс, *Конец с нищетой. Задание для нашего поколения*, PWN, Варшава 2006.

экономического, социального и экологического прогресса. Образцом такого симбиотического подхода являются идеи социальной рыночной экономики. Однако и эта модель требует приспособления к меняющимся экономическим условиям, а, прежде всего, к меняющимся (в частности, под влиянием глобализации) пространствам власти и компетенций по принятию решений.

Окажутся ли пригодными и в какой мере идеи социальной рыночной экономики в практике, покажет будущее. Однако в условиях экономики, основанной на знаниях, модели, необходимым условием которой является гуманизм - благородные, гуманные идеи СРЭР определенно найдут применение. Но возникает вопрос о рамках, формах и условиях их имплементации, особенно если бы осуществился формулируемый многими учеными тезис о „смерти” капитализма как системы, базирующейся на частной собственности средств производства. Вместо ответа, я воспользуюсь вопросом, сформулированным Туроу: „Каким образом капиталистическая система должна функционировать в эре интеллектуального потенциала, если этот потенциал не может быть взят в собственность?”⁴³ Интеллектуальный потенциал, знания становятся универсальным субститутом, так что возникает вопрос об отношениях собственности в этой сфере. Одновременно появляется вопрос, какие системные решения могли бы способствовать оптимальному использованию потенциала знаний. И, наконец, вопрос - есть ли еще вообще место для такой формации, какой является капитализм, в постиндустриальную эпоху, в условиях экономики, основанной на знаниях, (Впрочем, наверное не случайно, по сути дела в дискуссиях скорее редко, почти что стыдливо, употребляется понятие *капитализм* при замене его понятием рыночная экономика). Эти вопросы я трактую как открытые и как предмет дальнейших рефлексий и дискуссии.

---

⁴³ Л.К. Туроу, цит. с. 29